

Канатная плясунья

Новелла

Елена Владеева

Елена Владеева

Канатная плясунья. Новелла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69739507

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда живешь в привычной повседневности, кажется, что ты лишь слабый человек, над которым властны традиции семьи, предрассудки и чужие мнения. Но знаешь, что где-то есть большой мир, в который зовут тебя мечты и талант. И однажды придет день, когда расправленные крылья твоей души сбросят все навязанные путы. Это первая любовь, словно небесный дар, позволит воспарить над убогим существованием. Тогда окажется, что скрытые до поры силы способны преодолеть многие жизненные препятствия. А слабый человек становится прекрасной бессмертной Душой, которую не страшат ни трудности кочевой жизни, ни страх смерти.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	16
Глава 3.	23
Глава 4.	31
Глава 5.	38

Елена Владеева

Канатная плясунья. Новелла

Глава 1.

– А вы, девоньки, все шушукаетесь – женихов перебираете? Да о принцах заморских, небось, мечтаете? Только глупости это все, лукавые соблазны, вроде как на молодого барина заглядываться. Принц, если даже в кого из простых и влюбится, он ведь не своею волей живет. А что ему папаша повелит, потому как о царстве-государстве прежде думать надо или еще об каком важном деле. Он своей милой златые горы посулит, с три короба всего наобещает, а разве чем ради любви пожертвует? То-то... Вот вы послушайте-ка одну историю... Про любовь, а как же! Знаю я вас – про другое вы и слушать не станете. Тогда усаживайтесь поближе да поудобней, а то и рукоделье свое возьмите. История моя не сказать, чтоб очень длинная, но и не короткая – на карман подсолнушков, пожалуй, будет...

Приключилось это все в далекой стране, в теплых краях, где лето чуть не круглый год бывает. Птицы на все лады заливаются, цветы растут диковинные, фрукты всякие поспевают

и даже виноград – пальчики оближешь! И может, от яркого солнца или еще какой благодати, народ в том краю жил на-распашку, говорливый да веселый. Каждый воскресный день на главной торговой площади бывал праздник и шумное гулянье. Выставляли посреди рядов еще прилавки с игрушками и сладостями, разные балаганчики, качели-карусели для детворы. Все от мала до велика спешили на площадь, и до самой ночи она мельтешила и гомонила народом...

Вот и в городок, о котором рассказ, однажды приехал странствующий цирк – запряженная парой лошадей большая расписная повозка. Соскочили с козел два прытких кудрявых молодца и одним махом раскатали выцветший ковер. Спрыгнул еще мальчонка лет восьми, стал расправлять потертые углы да с любопытством оглядываться. Следом не спеша вылез высокий седоватый человек, по всему видно – главный у них, и начал с громкими шутками-прибаутками ходить по кругу, завлекая народ на представление. А рыночные зеваки уж и сами подтянулись, ребятня с криками бежала со всех сторон, ожидая невиданного развлечения.

Тут из повозки показался до того здоровенный мужичина – все в голос ахнули от удивления! Кряжистый такой, с вислыми усами, широким кожаным поясом перетянут, а рубахи на нем вовсе не было, и он мышцами, знай себе, поигрывает. Занавеску отодвинул и вытянул из повозки чугунные гири – по два пуда, не меньше! – и еще толстую, железную цепь и свернутый канат. Потом приставил деревянную лесенку и

свел на землю такую пышную кралю, что толпа снова ахнула, а среди мужеской части даже присвистнули, теперь уж от любования. Какой-то наглец громко заулюлюкал, но от крепкой затрещины сразу стих – чай, ты не в кабаке!

Тем временем в середине круга, вроде сам собой появился маленький столик, платком накрытый, и пышная красотка стала из-под него вынимать и подавать их главному всякие занятные штуки: блестящие кольца, свистульки на все лады, ленты и шарики. Принялся он их ловко вверх подбрасывать и ловить на лету, не глядя. Они у него из руки в руку перепархивали, да так быстро мелькали, что глазам невозможно уследить... Взял длинную красную лента, а она вдруг разлетелась на кусочки. Крепко смял их все в кулаке, и глядь – снова в целую ленту превратилась.

Потом, как из воздуха, фокусник выхватил колоду карт, и тут пошла настоящая потеха! Он медленно обходил по толпу зевак, творя чудеса перед самым их носом. Вши-ик! – в миг распустит всю колоду, то вокруг широким веером, то волнистой змеей. После вытаскивал – и ведь не разу не ошибся! – названную кем-нибудь карту. А то достанет ее у одного из-за пазухи, у другого из-под воротника, даже из-за уха! Вот чудесник-то! При этом балагурил, не переставая, и никого не пропустил – на всех острое словцо нашлось. Народ просто умирал со смеху! И монеты щедро сыпали, когда мальчик пошел с блюдом по кругу.

Потом на середину снова выплыла пышная краля с двумя

белыми собачками. "Прошу любить и жаловать нашу очаровательную Розали!" – возгласил главный Фокусник. Собачки умели делать разные трюки: через обруч прыгали и друг через дружку, на задних лапках кружились, и вместе складно так повизгивали. А мальчик играл им на дудочке. Забавные такие собачки. Детишки звонко смеялись и тянули к ним ручонки, матери едва их рядом удерживали.

Тогда Фокусник попросил публику сдать чуток назад – сделать круг пошире, и на ковер выкатились колесом те двое кудрявых молодцов. И чего только они не вытворяли! Лихо пополам складывались – затылком чуть не до пяток доставали, через голову кувыркались, и на руках ходили, и веретеном крутились... Непонятно, как совсем не переломились и шеи себе не свернули! Народу они тоже очень понравились, все громко хлопали в ладоши и одобрительно гудели.

Потом в центре стал тот дюжий силач с гирями и давай разминать руки и ноги, выказывая себя со всех сторон. А мальчонка, пригнувшись под тяжестью, пронес по кругу цепь, чтобы все, кто сомневается, могли потрогать и убедиться, что она вправду железная. Фокусник их представил так: "Прошу приветствовать – наш силач Лукки и малыш Жанно! Силача мы с вами, пожалуй, отпустим – он, как видно уже притомился, зато малыш только во вкус входит!" И мальчик, поклонившись, отбежал к повозке. Зрители хохотнули, оценив шутку, но тут же стихли и замерли в ожидании...

Да, такой силищи никто из них, отродясь не то, что не

видел, но и представить не мог. Все разинули рты... Ноги у малыша Жанно были, как намертво врытые столбы, а бугры на руках так мощно выпирали, будто сами гирями сделались. Он с плеча на плечо перекидывал чугунные гири – и через широченную спину, и по груди перекатит, и подбросит, и вертит по-всякому. А в конце уперся половчее, набычился да поднапружился – и как клещами, разорвал железную цепь своими ручищами! Вся толпа громко выдохнула – как один, и бурно забила в ладоши. Жанно степенно поклонился зрителям и обернулся к повозке.

Откинулась занавеска, и на руки к силачу спорхнула... Птица не птица – цветок не цветок? Девушка в лазоревом платьице, почти еще девочка и тоненькая, что твоя тростиночка! Русые локоны по плечам выются, личико нежное, и улыбается так светло – чисто ангел небесный, а легкое платьишко едва коленки ей прикрывает. Народ совершенно обомлел... Кто рот разинул, расплылся по-дурацки... Другой чуть не облизывался, как вороватый кот на сметану. Кто прям-таки оцепенел, по-рачьи выгаращился и глазищами молча ее пожирает. Девушки сперва смущенно хихикнули, но тут же впелись в циркачку придирчивыми взглядами, но не нашли в ней и малейшего изъяна. А некоторые из жен пытались вытащить своих мужей из толпы и увести, да куда там – все приросли к месту!

А силач подержал девушку на одной руке и бережно опустил на ковер. Над толпой пролетело "а-ах!..", как ветер по

полю. Когда народ слегка утомился, Фокусник ласково поглядел на нее, по волосам погладил и сказал нараспев: "Прощу вас любить и жаловать нашу несравненную Мариэллу!" Снова все принялись отбивать ладоши.

За это время двое тех кудрявых, что всяко выкрутасничали, уже натянули тонкий канат, одним концом привязав его к задку повозки, а другим – к коновязи, где их распряженные лошади стояли. Силач своей ручищей крепко похлопал по канату, подергал, чтоб проверить – надежно ли закреплен? Подставил девушке ладони, одним махом подхватил, как пушинку, и она легко впрыгнула на канат. Раскрыла большой расписной веер, взмахнула им, покачалась вверх-вниз... Чуть переступила, примеряясь... И побежала по канату.

На ней были вроде носков из тонкой кожи, шнурками перехвачены. А сами ножки точеные, сахарные! Добежала до коновязи, гриву у лошади потрепала – та ей радостно в ответ закивала. В мгновение ока крутнулась вокруг себя – воздушное платьице юлой обвилось, а рукавчики, словно крылышки у мотылька, вверх взметнулись. И пошла павой, мелко-дробно ножками перебирая, словно чечетку задорную отбивала! Канат хоть и не слишком высоко был натянут, а все же за плясунью становилось боязно. Все затаили дыхание...

* * *

Стоял толпе и один парнишка, ничем вроде не Примеча-

тельный. Только глаза были грустные-грустные... И серые, даже чуть в синеву, среди других, в большинстве темных – наособицу. Парень подошел, когда Фокусник уже колдовал с картами, но издали ему плохо было видно. Он помаленьку стал подвигаться по кругу вбок, и странно как-то, на каждом шаге будто ныряя. И похоже, ему надо было все очень близко увидеть – слишком уж упорно он сквозь толпу пробирался. Когда вышла краля с собачками, парень уж добрался до самой коновязи. Тут круг зрителей размыкался, и стало понятно, почему он шел так чудно, припадая – одна нога у него была согнута дугой.

Парень пристроился с краю поудобней, достал из холщовой заплечной сумки тонкую дощечку и кусок грубой бумаги. Почти под мордой у лошади стал быстро чиркать заточенным угольком, взглядывая исподлобья на циркачей. И глаза уже не были грустными, даже повеселели, особенно когда он смотрел на забавных собачек и мальчика с дудочкой. А вот тех двоих, что колесом крутились, он и не пытался зарисовывать – так быстро они мелькали, не уследишь! Просто смотрел, дивясь их необычайной ловкости. Зато силача Жанно с гирями можно было не спеша изобразить во всех видах.

А потом один из кудрявых звонко ударил в бубен – словно пригоршня серебряных монет раскатилась. Второй загудел и засвистал на губной гармонике. И на канат вспорхнула несказанной красоты девушка. Сердце у бедного парня оборвалось и заколотилось где-то глубоко-глубоко... Он так и

замер, прижав руки к груди... Весь в одни синие глаза превратился! Так и смотрел на нее с оборвавшимся сердцем, чуть не умер от счастья... Надобно сказать, что кроме своей сестры, он ни одной девушки близко не видел. Разве что соседскую дочь – уж до того неприглядную, да чей-нибудь затылок в церкви, прикрытый накидкой, или проходя мимо по улице. И вдруг Мариэлла! Ножки точеные у самых его глаз. Когда она подбежала к лошади, а парень смотрел, как зачарованный, они взглядами и встретились. Его как в пламя огненное бросило... Но быстро опомнился, будто какая мысль толкнула, и торопливо замелькал угольком по бумаге.

А девушка плавно скользила по канату на самых кончиках пальцев – словно по воде лебедушка! – и он успел до мельчайших черточек всю ее зарисовать. Вдруг она вскинула ногу – чуть не затылка коснулась, и тут же опустилась на колени. Вытянула другую ногу вдоль каната и отклонилась назад, веером ярким затрепетала. Все забыли дышать... Ни аха, ни звука – во все глаза глядели! А Мариэлла резво вскочила и пошла, весело постукивая одной ножкой о другую при каждом шаге. Быстрым прыжком повернулась и на ощупь, мелко-мелко засемила назад, взмахивая веером и безмятежно улыбаясь.

В неземном блаженстве парень не отводил взгляда от изумительной плясуньи. Ломал голову – откуда взялась такая неземная красота? Может, Фокусник выкрал девочку в каком-нибудь городе, да еще у знатных родителей? Нет, глупо-

сти... Как простому трюкачу попасть в богатый дом, где на каждом шагу слуги, мамки и няньки? Какой только ерунды не приходит ему в голову... Но удивительно тонкое и нежное у Мариэллы лицо, и волосы необычайно светлые. Откуда в их краях такое диво? Хотя глаза у нее карие, но совсем не темные, а на солнце даже золотистые. Будь она бойкая, черноволосая и жгла вокруг глазами, он бы и не думал на нее любоваться. Не от всегдашнего смущения, а просто душа к таким не лежала. А Мариэлла – поистине небесное создание! Юбочка едва колени ей прикрывает, а мыслей дурных не появляется. Если бы у любой другой – стыдоба и только, а от нее глаз не отвести – чистая красота!

В конце ее выступления силач Жанно опустился на колени и ухватился рукой за канат. Бубен рассыпал последнее серебро, гармоника пустила залиvistую трель... Мариэлла одним легким прыжком обернулась к Жанно и по руке взбежала ему на плечо. Сияя улыбкой, она посылала на все стороны зрителям воздушные поцелуи. Что тут с народом делалось – словами не передать! Толпа неистово вопила и так рукоплескала, отбивая ладони, будто со всех домов в округе с грохотом посыпалась черепица! А в довершении общего восторга, Мариэлла раскинула руки, и прямо с неба к ней слетели три белых голубя. Все разом стихло, точно по волшебству. И правда, всюду этот нехитрый фокус казался чудом. Потом уж спохватывались, что у циркачей и собачки ученые, и даже птицы. Но в первый момент зрители повсюду

застывали, как замороженные. И парень тоже благоговейно замер. А звали его Габриэлем.

* * *

Потом снова вышла краля с мальчиком и собачками. Габриэль понял, что представление еще продолжится, а у него совсем закончилась бумага, да и та дрянная. Вот если бы купить хорошей у рыночного писца, чтобы нарисовать Мариэлла. И Габриэль торопливо захромал к тому месту, где обычно сидел человек, писавший на заказ письма и прошения. Вот он! Писец сидел на низкой скамеечке, а столом ему служил высокий табурет. От нечего делать он лениво поглядывал вокруг и не спеша очинивал перо. Габриэль бросился к нему, как утопающий: "Будь добр, продай мне пару листов бумаги! А писать вовсе ничего не нужно."

Писец окинул его хитрым взглядом. Глаза у парня полыхают, руки дрожат – видать, позарез нужно. Назвал свою цену, да с лихвой. Габриэль отступил на шаг: "Нет у меня таких денег, на один только хватит... – но тут же отчаянно зашептал ему – Вот, посмотри, я циркачей там рисую. Может, тебе тоже нарисовать? Уступи второй лист, а я потом деньги принесу, вот те крест!" Писец кивнул: ладно бери, да смотри – без обману! Габриэль побожился, и как на крыльях, своей утиной походкой радостно заковылял обратно.

Когда он вернулся, Жанно перекидывал гири, и Габриэль лишь немного поправил прежний рисунок, а хорошую бума-

гу тратить не стал. Тут к нему сбоку прижался какой-то человек, глянул с любопытством, подышал в ухо и спросил – а его он мог бы нарисовать? И дорого ли возьмет? Габриэль сперва растерялся и чуть было не согласился без платы. Но быстро спохватился и ответил – два листа бумаги или их цену. Человек, не торгуясь, достал из-за пояса деньги и принял важную позу. Габриэль прищурился на него и начал рисовать.

Провел углем несколько линий – и вот уже появились кустистые брови, орлиный нос и оттопыренная губа. Портрет вышел очень осанистый, и заказчик ушел довольный. Не успел закончить одного, как за ним уже толкался следующий, и еще кто-то сбоку выглядывал... Габриэль сказал, что бумаги у него больше нет, а кто хочет быть нарисованным, пускай сам приносит. Но тут снова выпорхнула Мариэлла, и Габриэль, позабыв все на свете, рисовал только ее... Вот когда понадобились те хорошие листы!

Обходя круг с картами, Фокусник все косился в сторону коновязи, где около какого-то парня собралась кучка людей, все суетились и тянули головы, заглядывая ему под руку. Наконец поравнялся с ними и словно невзначай весело любопытствовал – чем же он так завлек зрителей, что и про его фокусы все позабыли? Габриэль страшно смутился, но показал начатый рисунок. Перед ним как раз стоял вертлявый парень, изображая гордый вид на лице. Фокусник посмотрел и одобрительно засмеялся: «Ведь и правда, очень похож! А

Мариэллу ты, конечно, уже нарисовал – покажешь мне?» Залюбавался на рисунок, даже языком поцокал, очень похвалил! Потом что-то подумал про себя, потер щеку... Сощурился на Габриэля, да и говорит: "Послушай, ты не уходи сразу. Кликни меня – поговорить надо!" И уже отходя, обернулся к нему: "А как звать тебя?". "Габриэль".

Глава 2.

В городе его называли Хромой Габриэль или просто Колченогий, без имени. И все понимали, о ком речь – больно уж приметное было увечье. Однажды, еще по глупому малолетству, он выбежал со двора и на улице стал разглядывать тележку водовоза, ненадолго оставленную хозяином. Многим ведь мальчишкам это любопытно. Да еще сунулся что-то вблизи потрогать. А лошадь в это время от скуки возьми и переступи... Нога-то у него под колесо и попала. Мальчонка от лютой боли так закричал, что мигом сбежалось пол-улицы. А он сознания лишился, и долго-долго еще снился ему по ночам тот ужас...

Вот так на всю жизнь Габриэль калекой и сделался. Колено совсем не сгибалось, а нога вывернулась дугой вбок. И ходил он, сильно припадая на одну сторону, даже спина порой болела. Матушка его по сей день винила себя, что не уследила тогда за ним. Вообще, родители до сих пор относились к нему, не сказать, чтоб как к неразумному дитяте, но считали вроде не от мира сего. И видно, до седых волос их не разубедить. А ему обида...

Ребячество в нем, конечно, было, но вовсе не от глупости, а от всяких затей, приходивших в голову. Вот смастерил матушке полочки с резными цветами из дерева, но это позже. А еще совсем мальчонкой придумал для сестренки куклу.

Вырезал из чурбачка фигурку, нарисовал личико и приклеил волосы из пакли, очень красиво получилось. А как-то раз сделал из веревок для щенка упряжь, как у лошади. Потом приладил маленькую корзинку, и щенок возил в ней по двору сестрину куклу.

И дармоедом, несмотря на увечность, Габриэль никогда не был. В их семье спокон века все становились бочарами. И отец его, и дед, и дальние прадеды этим промыслом занимались. Габриэль тоже умел делать почти всякую работу. Только гнуть крепкие обода для бочонков и вбивать тугие днища ему было не по силам. А в прочих навыках он не уступит ни отцу, ни старшему брату.

Да еще матери по хозяйству помогает. Брату и с женой надо побраниться, и детишек уму-разуму поучить, и с приятелями в кабачке поболтать да винца выпить. А Габриэль всегда при доме, некуда ему ходить. Соседские ребята, как беда его приключилась, не шибко хотели водить с ним дружбу, сторонились. Куда они с таким калекой? Сами посудите, разве он им компания? Ни побегать, ни поозоровать, а уж когда все заженихались с девушками, то и подавно! Раньше у него в подружках была любимая сестра, но теперь она вышла замуж. У нее своих забот полон рот, к тому же скоро ребеночек появится, ей и родителей навещать недосуг.

Было у Габриэля и сокровенное мечтание – самое заветное, да только несбыточное... Больше всего на свете он любит рисовать. Еще мальчонкой играя на дворе, все царапал

по земле прутиком, выводил какие-то замысловатые узоры. А однажды втихаря разрисовал углем табуретки в кухне. Матушка перепачкала об них всю юбку, но не заругала его, а только рассмеялась, потому что добрая и сына очень любит, жалеет его за несчастливую долю. Она стала отдавать ему бумажные кулечки, куда бакалейщик в лавке заворачивал колотый сахар.

Габриэлю это было почти счастьем. На серой шершавой бумаге он приноровился рисовать отточенным угольком и очень ее берег. А потом дорос и до белой кухонной стены – всю разукрасил диковинными зверями и птицами. Отец тогда страшно рассердился, что его недавние труды с побелкой пошли насмарку. И матушке долго пришлось его уговаривать – не сердчай, мол, пусть бедный мальчик хоть немножко порадуетя... Отец потом нехотя все же поразглядывал рисунки и одобрительно крякнул – ишь, чего сынок удумал... А ведь ловко у него получается!

* * *

Четыре года назад они всей семьей по обыкновению пошли в церковь на воскресную службу. И очень удивились, потому что внутри вся боковая стена была закрыта деревянными лесами, видно ее решили обновлять. В самом деле, старинные росписи давным-давно потускнели и уже кое-где начали осыпаться, так что трудно разобрать – какая это сцена из Писания или святой. Священник перед началом проповеди радостно известил прихожан, что наконец-то нашли

подходящего хорошего иконописца, который приехал заново расписать их церковь. Габриэль шепотом упросил отца, чтобы он позволил ему остаться после службы и посмотреть поближе.

Когда все разошлись и церковь опустела, из боковой двери вышел незнакомый красивый человек. Но лицом замкнутый, совсем не приветливый. Габриэль почтительно ему поклонился, не смея взглянуть в глаза. И вдруг, судорожно вздохнул, заговорил быстро, сбивчиво, залившись жгучим румянцем. Сказал, что сколько себя помнит, все время что-нибудь рисует. Но в их городе ему совсем не у кого поучиться. Не возьмет ли художник его к себе помощником и самым младшим учеником? Он сейчас быстро принесет свои рисунки, и если они понравятся... Он был бы так счастлив, все готов делать!

Красивый человек задумался, покосился на ногу Габриэля и с сомнением ответил: "Что ж, приноси... Посмотрим, выйдет ли из тебя толк. Но сможешь ли быть целый день на ногах?"

Габриэль на это лишь самую малость смутился. К таким взглядам давно уже привык, головой в плечи не уходил, и ведь не в скороходы же нанимался. А тут вся судьба решалась! Он торопливо закивал: "Смогу. Я буду очень стараться! Все-все делать, что велите!" Ах, если бы художник взял его, сколькому он смог бы научиться! Это же немыслимое счастье – рисовать настоящими цветными красками, а не печ-

ным углем. Он так мечтает стать хорошим мастером и принести пользу их приходу! Может быть, тогда люди начнут принимать его всерьез, а не только любопытствовать и жалеть убогого.

Полгода пробыл он вторым учеником, вместе с другим мальчиком, младше его и ловким лазать по верхам, подавая мастеру все нужное. Сначала на всякой подсобной, черновой работе – Габриэль убирал мусор, мыл кисти, растирал в порошок краски. Но со временем художник доверил ему кусочек росписи внизу стены – сколько Габриэлю хватало его росту с вытянутой рукой, он еще и старый ящик подставлял. Даже два раза похвалил его!

Но вот Габриэль стал замечать, что наставник им не вполне доволен, но не понимал, в чем провинился? Страдал молча, ночи не спал, весь извелся... Каждый взгляд преданно ловил, а художник как будто избегал его... Наконец, в один ужасный день Габриэль решился прямо спросить, и услышал свой беспощадный приговор. Такой калека, как он, никогда не сможет расписывать церкви, потому что не сумеет вскарабкаться на леса. Лучше уж ему сразу уйти. Он мог бы разрисовывать дамские веера и медальоны, заставки для каминов или еще какие домашние украшения. Но про большие фрески для церквей придется забыть. А ведь Габриэль ни разу не заикнулся, что ему трудно подолгу быть на ногах. Превозмогал себя и всегда с готовностью вскакивал по первому слову мастера. И руки у него очень крепкие. И талант

есть, это уже очевидно. Но его вышвырнули, как негодного щенка, и не обернулись.

Было ему тогда пятнадцать лет, а он чувствовал себя изжившимся стариком. Криком кричала душа, безутешным стоном исходила... И все рвалось куда-то ретивое, как пойманная птица... Но крепче всякой железной была клетка, в которой он бился и терял силы... И мало-помалу смирился Габриэль со своей участью. Тихо томился, никому не жалуюсь. Настырности в нем отродясь не было, да и что ему оставалось? Лишь однажды стал умолять отца, чтобы позволил ему уехать в большой город. А денег дать только на самое первое время, а потом он уж сам как-нибудь своим искусством прокормится. Но отец не только не отпустил, но и не подумал с ним миндальничать. Как отрезал: "Нечего дурить! Я и наперед знаю – все то же будет, что тогда в церкви. Напрасно тебя послушал, а впредь потакать не стану. Ремесло в руках есть, и работай! Опамятуйся, куда ты из родного дома – бесприютно мыкаться?" И с тех пор не давал ему ни гроша. Не от скупости, а боялся, что сын уйдет из дома и где-нибудь сгинет. Батраки наемные в лучшем положении, чем он – думал Габриэль. Те работу справили, деньги за нее получили – и сами себе хозяева. А он, взрослый парень, живет без гроша в кармане. Хорошо, матушка изредка да тайком совала ему монетку на лакомство.

Однажды, собравшись с духом, Габриэль открылся на исповеди их приходскому священнику. Долго тот говорил с

ним, с витиеватыми премудростями, но ничем горемычного не утешил. Вразумлял, как водится, что надобно смириться со своей долей, не упорствовать в гордыне и послушно почитать отца. Что увечье послано ему Богом для испытания души и обережения от мирского тщеславия и греховных соблазнов. Безнадежно кивнув, Габриэль покорился судьбе и больше уж никаких чудес не ждал. А дни тянулись за днями – все безликие и пустые, как бочонки, что они мастерили.

Глава 3.

Цирковое представление закончилось. Двое кудрявых с тарелкой и Фокусник пошли по кругу, собирая плату. Габриэль положил очень щедро, Фокусник даже вскинул бровь, прижал руку к сердцу и хитро ему подмигнул. Он, как обычно, сыпал для народа прибаутками: девицам знатных женихов пожелает, парням – богатых невест, мужчинам – прибыльной торговли, жен их за красоту похвалит. А пожадничавших заплатить, да еще вставших в первый ряд, так хлестко высмеивал, что они конфузились и пятились назад под общий хохот. Всех приглашал снова прийти к вечеру на второе представление, когда жара спадет, раскланялся и скрылся в повозке.

Габриэль терпеливо постоял в сторонке, выждал, пока все разойдутся. Подошел к повозке и еще помедлил... Наконец набрался смелости, и не зная – как позвать, с колотящимся сердцем робко окликнул снизу: "Вы просили не уходить... я здесь." Фокусник выглянул и быстро спустился, что-то дожевывая: "Вот молодец! А у меня к тебе разговор. Ты, я вижу, парень серьезный, и рисуешь отменно. Не возьмешься ли заново разрисовать нашу повозку? Видишь, как вся облупилась. Ради такого дела я бы задержался тут в городе на два-три дня, а о цене, думаю, мы столкуемся. Что скажешь?"

Габриэль аж задохнулся от счастья и от страха. Сердце

подпрыгнуло и забилося пойманной птичкой где-то в горле... "Да я уже не помню, когда краски в руках держал... Не знаю, смогу ли теперь?" Фокусник похлопал его по плечу, подбодрил: "Конечно, сможешь! Ты хорошенько подумай до вечера и приходи." Ему уже давно хотелось обновить их повозку, пострадавшую от дождей и вообще кочевой жизни. И он чувствовал, что Габриэль в работе от души расстарается, а не просто намалюет для заработка. И без всяких фокусов понимал, почему – ради Мариэллы. Это было ясно, как божий день.

* * *

К обеду Габриэль решил домой не ходить. Отныне он будет жить сам по себе. Всю нужную работу для отца справил, а остальное – что в мыслях и что в сердце – никого не касается. Купил поблизости хлеба и козьего сыру и отправился на самую окраину города. Было у него одно любимое местечко возле пролома в старой крепостной стене. Там журчала маленькая речушка, что бежала потом извиристо через весь город. По воскресеньям он иногда приходил сюда, когда отец с братом отправлялись в трактир выпить по стаканчику с приятелями и обсудить скучные местные новости. А Габриэль устраивался на травке в тени густых деревьев и неспешно думал о разном, глядя на прозрачную воду, текущую по камешкам... Или на развалины древней стены, увитой цепкими кустами дикой розы. Разглядывал красивый цветок или бабочку на травинке и горько сожалел, что не чем нарисо-

вать эту нежную красоту – не углем ведь... А то представлял, как в древности жители их города мужественно отбивались тут от нападавших врагов – кровожадных сарацинов, смутно вспоминая рассказы своей бабушки, так же слышанные ею в детстве от своей бабки. А теперь здесь никого не встретишь, только звонко перекликаются птицы в ветвях да плещутся поодаль в речке озорные мальчишки, пасущие коз.

Габриэль скинул рубаху, умыл разгоряченное лицо и руки, подставил их яркому солнцу. Напился прохладной речной воды и уселся на берегу перекусить хлебом и сыром. Потом блаженно растянулся на траве, мечтательно закрыл глаза... Натруженное колено очень устало и мозжило, зато в кармане позвякивало еще несколько заработанных монет. А в холщовой сумке – полдюжины листов бумаги, он успел забрать все, что оставалось у писца. И сегодня он снова увидит и будет рисовать прекрасную Мариэллу! А то, что ему сейчас сказал Фокусник невозможно было и во сне представить! Сквозь листву весело золотились солнечные блики. Точно так же смеялись золотистые искорки в ее карих глазах. Габриэль счастливо жмурился и улыбался. Конечно, он возьмется разрисовать им цирковую повозку. Поборет свою извечную робость и сделает. Да так, что все подолгу будут смотреть вслед! Для нее одной, на память...

Он все хорошо помнит, чему учил его художник в церкви. Как из-под кисти наставника постепенно возникало чудо – Спаситель на небесном троне, лучезарная Пречистая Дева,

ангелы в облаках и святые мужи вокруг. О, если бы перед ним была гладко оштукатуренная белая стена, а не дощатая, обтянутая грубым полотном, повозка... Только нужны краски, а где их достать? Ни в одной из городских церквей, кажется, ничего сейчас не расписывают. Может, все-таки отказаться, пока Фокусник не увидел, какой он никчемный человек? И вдруг не получится нарисовать так, как задумал? Нет, лучше сразу отказаться, чем осрамиться перед Мариэллой. Хороша же будет о нем память...

Но целых три дня быть подле нее! Знать, что она совсем рядом – за тонкой стенкой повозки. Часто видеть ее, и может статья, даже говорить с ней! А Мариэлла когда-нибудь ненароком вдруг вспомнит о нем, странствуя по дальним дорогам... Неожиданно Габриэль резко сел, обхватив здоровое колено. Мучительно сгорбился, уткнувшись в него подбородком. "А ведь я больше никогда ее не увижу. Как мне жить дальше? Без нее... и зачем? Сбивать изо дня-в день опостылевшие бочонки? Изо дня в день, до самой смерти. До самой смерти..." И ничком повалился на землю, и заплакал в голос.

* * *

Перед вечерним представлением Габриэль загодя устроился на своем месте у коновязи и нетерпеливо ждал. Часто поглядывал на повозку – не колыхнется ли занавеска? Вот начал собираться праздный народ... Теперь маленьких детей почти не было, а подходили все больше гуляющие парочки.

Занавеска не качнулась, даже не дрогнула, но изнутри пара любопытных глаз в дырочку пытливо изучала Габриэля. Давеча Мариэлла из-него слегка оступилась, когда вдруг увидела те изумленные синие глаза... Она еще ни разу в жизни с каната не падала и вовсе не знала страха. Сердцем знала, что рано умершая мать всегда поддерживала и оберегала ее с небес. Но сегодня впервые чуть не сорвалась... Хорошо, что рядом была перекладина коновязи и голова их лошади! Мариэлла чуть оперлась мыском, а рукой потрепала лошадиную гриву, и вроде никто ничего не заметил. А этот синеглазый парень опять стоит на том же месте. Бедный, как же у него искалечена нога!

И вот окончилось вечернее представление, народ лениво разошелся. А Габриэль все стоял и стоял неподвижно, уставясь взглядом в землю. Фокусник его не торопил – искусный парень, видно, робкого десятка. Оно и немудрено, когда судьба так смолоду не задалась.

Циркачи уже втащили в повозку скатанный ковер и приторочили сзади плетеную клетку с голубями. Уже кудрявые молодцы запрягали лошадей. А Габриэль все ждал чего-то, стиснув руки, и беззвучно шевелил губами... Молился он или сам с собою спорил? Вот промелькнула Мариэлла, переодетая в белую блузу, черный шнурованный корсаж и полотнояную синюю юбку. Теперь чаровница стала похожа на всех других девушек, хотя он узнал бы ее из тысячи, даже со спины.

Тут Габриэль словно очнулся, неуклюже подошел к Фокуснику, и как в воду бросился: "Хорошо, я распишу вам повозку, я постараюсь. Только не знаю, где можно найти краски?" Фокусник обрадовался: "Ну, это не беда. Завтра похожу по городу, поспрашиваю." Но парень еще о чем-то хотел сказать – важнее красок, только не решался. Кажется, он и дышать престал. Наконец, опустив голову и запылав лицом, выдавил: "Позвольте мне ехать с вами!" И умоляюще поднял страдальческие глаза: "Я не буду вам в тягость, вот увидите! Все-все буду делать, что потребуется. Если починить что-нибудь или за лошадьми ходить. И везде буду рисовать на представлениях, кто попросит. Вот возьмите – это я за сегодня заработал и то ведь не сразу начал. Только позвольте ехать с вами!"

Фокусник оторопел... Явно был в сильном замешательстве: "Ты хорошо подумал, чтоб так, в одночасье уйти? Мы же век на колесах, угла своего не имеем, и всякое случается. А родители у тебя живы?" Габриэль молча кивнул и снова потупился. Фокусник все сомневался и сверлил его взглядом: "Не приведи Бог, если они тебя не простят! Всю жизнь будешь расхлебывать." Но Габриэль бормотнул глухо: "Теперь все равно..." И упрямо не двинулся с места. Фокусник вздохнул: "Что ж, договорились. А деньги у себя оставь, потом краски купим, может, еще и добавить придется. Значит, завтра как рассветет, приходи на постоянный двор – знаешь ведь, где? Мы пораньше тронемся, путь не близкий." На том

и расстались.

* * *

Домой Габриэль возвращался, как пьяный – ног под собой не чуя и вокруг ничего не видя... За ужином матушка беспокойно на него поглядывала и даже пощупала лоб: "Сынок, ты, часом, не захворал? Лицо у тебя какое-то странное и глаза вот блестят, не жар ли?" А он и правда был, как в чаду... "Нет, просто устал на солнце, лягу пораньше." Отец по обыкновению угрюмо заворчал: "И где тебя все носит? Целый день проболтался со своими рисульками. Не вздумай мне разболеться – завтра за работу!" Нет, отец у него не злой, просто он ничего, кроме их бочонков, в своей жизни не видел.

Пужинали. Встав из-за стола, Габриэль поклонился родителям. Матушка благословила его на ночь и ласково поцеловала в голову. Сердце трепыхнулось в горле и больно защемило... Габриэль ткнулся матери в руку и чуть не заплакал. Он знал наверняка, что больше ее не увидит. Пошел к себе в каморку, увязал в шерстяную куртку кое-какие пожитки. Горячо помолился перед Распятием, чтобы все удалось по задуманному, и склонился около свечи над прощальным рисунком. Грамоты в их семье не знали, а перед матушкой ему надо повиниться. Поэтому он любовно нарисовал ее, как только что видел в кухне – в чепце, в извечном фартуке, с засученными рукавами. И себя на коленях перед ней, с низко опущенной, покаянной головой. А наверху, как бы парящую

вдали и зовущую его, крохотную Мариэллу. Чуть подумал и несколькими черточками добавил позади матушки еще отца – пусть поважничает. Бог ему судья...

Но куда лучше положить рисунок? Надо так исхитриться, в таком месте оставить, где его наверняка вскоре заметят. Это чтобы у матушки сердце не разорвалось, когда наутро хватятся – а его нигде нет. Но и не совсем рано, а то сразу кинутся искать, могут догнать, остановить. Габриэль чуть приотворил дверь и послушал, прильнув к дверной щелке – вроде все спят... Тихонько прокрался в кухню. Может, подсунуть под ларь с мукой? Нет, матушка тут же увидит – мука для лепешек с утра нужна. Глиняные миски, кувшин с маслом, перевернутые горшки... Под один из горшков? Но неизвестно, когда он понадобится, вдруг через неделю? Положу-ка лучше в корзинку с чесноком, что стоит в чулане – к обеду матушка непременно в нее заглянет. Но их повозка к тому времени будет уже далеко.

Габриэль, не раздеваясь, прилег, но не сомкнул глаз. Почти до света метался, как в лихорадке... А когда чуть забрезжило, крадучись и стараясь не скрипнуть и не стукнуть засовом, отпер дверь и вышел. Никого по счастью не встретил и благополучно добрался со своим узелком до постоянного двора. Присел около знакомой повозки и стал ждать... Внутри было совсем тихо, все еще спали. Скорей, скорей бы первый луч! Наконец над черепичными крышами взошло солнце, и они тронулись в путь...

Глава 4.

Вот уже год, как Габриэль колесил по свету с циркачами. Больше всего он старался не доставлять им лишних забот и какого-нибудь ущерба. В первое время даже ел, как можно меньше. Но Фокусник это заметил и строго отчитал: "Не вздумай голодать! Что проку, если ты зачахнешь?" А прок от Габриэля был заметный, он своими рисунками зарабатывал деньги наравне с выступавшими на ковре. В пути, как и остерегал Фокусник, всякие непредвиденности случались. В одном городе властвовал очень суровый епископ, и им сразу велели убираться подобру-поздорову. Было и такое, что пришлось уносить ноги от грабителей. На счастье, в их повозке всегда припрятано два пистолета. Один надежный, в деле проверенный, а второй так – пугач огородный, но вида внушительного. И лихие люди их не тронули.

А в общем, жили весело и скучать было некогда. Фокусник ничего Габриэлю не указывал, как расписывать повозку, а сказал – делай по своей мысли. В ближайшем городе он удачно сторговался с церковными мастерами. Габриэль на свой страх и риск выбрал краски и все, что требовалось. С наслаждением растирал их в пальцах, вспоминал, вдыхал полузабытый волшебный запах... До дрожи в руках волновался, начиная свою работу. Но так после вошел во вкус – не остановишь... И он не оплошал – повозка удалась на славу!

Мариэлла в воздушном платье невесомо порхала по канату с ангельской улыбкой. И остальные трюкачи, и даже собачки вышли, как живые. Фокусник был очень доволен, и вообще всем Габриэль пришелся по сердцу.

Розали по-сестрински опекала его, а двое кудрявых всячески помогали, когда он рисовал. Одного из них звали Бланше, другого – Нико. Они все время подтрунивали друг над другом и задирались, как щенята, но часу не могли пробыть врозь. А Мариэллу все называли по-домашнему просто Мари, и Габриэлю тоже разрешили. И до того было трогательно произносить ее имя!

Они только в первое время посмущались и в несколько дней подружились, будто вместе выросли. Мари принялась учить его грамоте, а Габриэль в благодарность рассказывал ей разные истории. Что когда-то слышал от бабушки и что запомнил на церковных службах из Священного писания. Вообще-то Мари не была набожна, как все они. Многие из библейских рассказов и притч были ей неведомы. Зато она бережно хранила молитвенник матери в память о ней, хотя почти его не раскрывала. Но Габриэля всегда слушала с удовольствием и всерьез переживала, когда речь шла о чьих-нибудь злоключениях.

А он втайне мечтал подарить ей серебряное колечко. Даже утаил, припрятав в пояс, немного денег, но все не смел, не решался... Разве можно вот так, будто своей суженой? Еще обидишь ненароком... Да кто он перед ней – такой уди-

вительной красавицей, такой желанной? Лишь калека колченогий. Мари была очень ласкова, жалела его по своей доброте, но и только. Никогда в жизни не был он так счастлив, как возле нее. И никогда с такой болью не саднило в душе. Не прежней тупой тоской, а острой иглой, снизу под самое сердце.

* * *

Как-то после ужина они с Фокусником сидели на постоянном дворе около своей повозки. Фокусник покуривал трубку, а Габриэль просто так, рядышком, к табаку он еще не пристрастился. Все давно улеглись спать, а они тихонько разговаривали да поглядывали на южное небо... А звезд было видимо-невидимо, и чудо, каких ярких! Взгляд не отвести, словно душой воспаряешь...

Фокусник для ночлега обычно спрашивал две комнаты, одну – для Мари и Розали, вторую – себе и маленькому Лукки. Ради уважения от хозяина – чтоб не считал их за табор, и чтобы красавицы были под приглядом. А мужчины ночевали в повозке. Фокусник старался себя не ронять, и никогда не показывал фокусов просто для потехи постояльцев. Только если развязанные кошельки опережали просьбы.

А сейчас он неспешно досказывал очередную байку из их кочевой жизни. Габриэль любил его послушать – чего только занятного и поучительного не узнаешь! Ночь была теплая, бархатная. Не ночь – а дивная благодать... Сладко пахло цветами, без умолку звенели вокруг цикады... Изредка

фыркали под навесом лошади и где-то среди ветвей посвистывали, перекликались ночные птицы.

Окончив свой рассказ, Фокусник взглянул на повозку, где легко порхала нарисованная Мари, обнял Габриэля, потрепал отечески по плечу: "Эх, тебе бы не с нами кочевать, а поступить в подмастерье к хорошему художнику! А потом найти в большом городе стоящую работу." Габриэль уронил руки на колени, ткнулся в них лицом и обреченно вздохнул. Фокусник утешительно погладил его по голове – эх, совсем жизнь допекла парня...

Тут не сдержал Габриэль слез... Стал мучительно вспоминать, как его прогнал от себя художник, из-за увечья прогнал. Возразить ему было нечего, но как же больно слышать! Такое выпало несказанное счастье, когда он принял его в ученики, и чем все закончилось... А он твердо уверен, что смог бы стать хорошим мастером. Фокусник молча вздыхал над горестной историей, попыхивая трубкой. В жизни никто с такой отзывчивостью Габриэля не слушал. Именно так, как долгие годы просила истосковавшаяся душа... Отец сходу обрывал начатый разговор, а матушка начинала жалеть, не вникая. Где ей, с вечными горшками да сковородками, понять его маету? И вздохнув, он шел принести дров для кухни или брался за веник.

А Фокусник, чувствуетеся, искренне хотел бы ему помочь. "Никто своей судьбы не ведает, а другие – и подавно. Но стезю, ему назначенную, человек сердцем угадывает. И ты по-

годи отчаиваться, мы что-нибудь придумаем. Может еще выпадет тебе удача, не пропадать же с таким редким умением!" Габриэль не спорил и молча кивал... А про себя-то знал, что никуда от них вовеки не уйдет. Что одной он дышит отрадой, и одна у него стезя – быть рядом с Мари и всей душой служить ей. Всю жизнь ради нее положить, сколько сил достанет... Пока она с другим не пойдет под венец. Но таких слов он и под пыткой не осмелится произнести вслух.

Фокуснику тоже захотелось поговорить по душам. Он попыхал своей трубкой, вздохнул и начал: "И я ведь когда-то сбежал... Мало того, увез с собой девушку – будущую мать Мари. Элиза была дочерью хозяина цирка, а я в тех краях странствовал в молодости. Всегда мне было скучно на одном месте. Увидел их представление и решил в лепешку разбиться, чтобы в том цирке работать. Главное, увидел чудесную девушку, которая танцевала на канате – дивно танцевала! Влюбился в нее, как и представить себе не мог, хоть был уж не мальчик и разные встречал в жизни искушения. Но тут все на свете забыл! Хозяин, ее отец, велел показать – что я умею из фокусов. Ему понравилось, и он позволил участвовать в нескольких представлениях, а там видно будет. Но вскоре меня до ненависти невлюбил, заревновал ко мне свою дочь. Кто я такой рядом с ней? Перекати поле, без гроша за душой. А с Элизой мы лишь взглядами обменялись, и все было навеки решено!

Через короткое время ее отец вовсе отказал мне в работе,

тем более что у них в цирке уже был свой кудесник. Элиза робко заикнулась было, прося за меня, но он стал метать такие громы и молнии, что о согласии нечего было и думать. Одним словом – выгнал взашей. А она осмелилась бежать со мной, не раздумывая. Я сначала просил ее одуматься, чтобы после не жалеть. Но она так горько плакала и говорила, что не переживет нашей разлуки. Я тоже любил ее без памяти и взял грех на душу, увез девушку от отца. Он нас застиг в последний момент и обоих вслед проклял. По его злобе потом и вышло.

Сначала все было хорошо, по дороге мы обвенчались в маленьком городке. Прибились к странствующему цирку и жили очень счастливо. Верили, что и дальше все будет хорошо. Я работал, как одержимый для своей Элизы, старался подкопить на будущее. Она ведь ушла в чем была, имела только немножко карманных денег на булавки. Это одному мне ничего не нужно, а ради жены горы пытался свернуть.

Однажды в большой праздник, когда повсюду веселье и по улицам гуляют ряженные, я счастливым случаем попал в вельможный дом. Там было много знатных гостей, столы ломились от угощений, а вина – море разлитое... И до того всем понравились мои фокусы, что разгулявшийся хозяин очень щедро меня наградил. Прямо сказать – сверх меры. Я сразу смог купить лошадь с повозкой, решил выступать отдельно, стать независимым, и сговорил ехать с нами Розали и Жанно. А вскоре родилась наша дочурка Мари, вся в краса-

вицу-мать. Она и научила ее танцевать на канате, еще успела... Двое других младенцев у нас потом умерли. А как-то раз Элиза сильно простыла на выступлении, к ночи слегла, и в неделю ее не стало. Счастье, что у меня есть моя любимая девочка. Без нее разве б я до сих пор жил?"

Фокусник замолчал, и печально вздохнул... Габриэлю даже не верилось, что рядом сидит тот же самый человек, что озорно балагурит на представлениях. Только сейчас стало заметно, какой он уставший и седой.

Глава 5.

В одном городе, на рыночной площади Габриэль как-то раз увидел двух цыганок. На одной была необычайно красивая яркая шаль. Алая, будто маков цвет или огненные всполохи по углям, или закат перед ливнем. Шелком вся переливалась... Вот бы такое платье для Мари! Ее любимый цвет – голубой, он и правда, под стать ее нежной красоте, но Габриэль вдруг подумал, что алый добавит куража танцу. Он будет вспыхивать ярким огоньком, видным отовсюду. Никто мимо представления не пройдет – каждый остановится полюбоваться! И сборы их увеличатся. Тогда можно купить что-то нужное, хорошую флейту или добротную сбрую лошадям. Нет, прежде всего – нарядную кружевную накидку для Мари.

Как привязанный, Габриэль пошел за цыганкой и все не решался окликнуть. Та, почувствовала его взгляд, сперва юбкой, как хвостом вильнула. Потом живо обернулась, взяла за рукав и повела въедливой скороговоркой по их обыкновению, когда они зубы заговаривают: "Вижу, погадать хочешь, красавец? Посеребри мне ручку – все, как есть, расскажу. Истинно тебе поведаю – что было, что будет, что в душе таится, чем сердце успокоится." Габриэль перебил ее: "Не надо гадать. Ты мне лучше шаль свою продай." Цыганка удивленно протянула нараспев: "Ша-аль?.."

А сама быстро оглядела его, прикидывая – сколько мож-

но взять с этого чудака? Скосила глаза на калечную ногу, дернула бровью: "Верно, для милой своей хлопчешь, угождать надеешься?" Габриэль уклончиво пробормотал, что для сестры. Цыганка только усмехнулась, скинула с плеч шаль: "Ладно, бери. Спрошу недорого, но знай, что лишь цыганке она счастье принесет, а для других печалью может обернуться." Габриэль молча протянул деньги. Беря их, она чуть задержала его ладонь, глазами по ней чиркнула, как ожгла. Он сердито выдернул руку и быстро захромал прочь, а цыганка печально посмотрела ему вслед...

Розали с Мари быстро сшили платье в четыре руки, и даже бахрому на юбку ловко приладили – ах, как будет играть в танце! Чудесно вышло, вроде алые лепестки на ветерке играют! Они привыкли все делать в дороге – чинили одежду, убивали друг другу волосы, вязали чулки, занимались с собачками. Фокусник разминал руки с картами, заодно объясняя свои хитрости Нико. И развлекал всех рассказами, он ведь был кладезь всевозможных историй. Бланше учил мальчика играть на дудочке, и смысленый Лукки мигом перенимал новые песенки. Молчун Жанно собирал разорванную цепь – был у него особый секрет. Или задумчиво подстригал усы, глядясь в начищенный песком чайник. Вся их жизнь проходила в дальних переездах из города в город. Лишь Великим постом начиналось вынужденное безделье, и тогда они отдыхали в какой-нибудь уютной деревушке, где было и сытно, и дешево.

* * *

Однажды на представлении к толпе зрителей подошли три вооруженных стражника. Они всегда ходили для порядка по рыночной площади, и особенно усердно в том ряду, где были винные торговцы. Потому лица у них были уже осоловелые. Один из стражников увидел канатную плясунью и сперва так и прирос к месту. Потом начал пробираться ближе, ближе, и наконец встал впереди всех. Стоит и глядит на девушку в упор.

А Мариэлла плавно скользит по канату, будто тонкая струночка поет! Будто алый цветок к небу тянется... Глаза и лицо у стражника стали наливаться кровью, а волосатые кулаки все сжимались и разжимались. Когда Мариэлла соскочила с каната и раскланялась, он вдруг качнулся к ней и грубо схватил за руку – а ну, крошка, пойдём с нами! – да крепко так стиснул, до синяков. Она, бедняжка, дернулась было и ласково так стала упрашивать господина стражника отпустить ее. А второй стражник загоготал во всю глотку и еще стал подзуживать первого. Третий, правда, хлопнул его по спине – мол, брось ее, пойдём! Но красномордый лишь огрызнулся через плечо.

Подбежал встревоженный Фокусник, засуетился рядом... Но как спасти дочку? Он что-то горячо зашептал стражнику, но тут даже его красноречие не помогало, красномордый девушку никак не отпускал. Мариэлла билась птичкой в силках, отчаянно вырывалась, по щекам текли слезы... А на ли-

це был такой смертельный ужас, что народ всерьез заволновался, зашумел. Женщины испуганно вскрикивали, мужчины громко зароптали. Фокусник, как мог, увещевал стражников и все пытался подступиться к красномордому. Одной рукой тянул его за руку, чтоб отпустил Мари, а другой торопливо вытаскивал из-за пояса свой кошелек. Но второй, гогочущий, со всей силы ткнул его кулаком в грудь и отшвырнул назад. Фокусник споткнулся о край ковра и неловко упал на бок.

Все вокруг ахнули и оторопели, взвизгнул чей-то ребенок. Тогда третий стражник начал отгонять людей назад и мрачно покрикивал: "Ну, что столпились, рты разинули, чего тут не видали? Живо все расходитесь!" Подбежал Жанно, быстро помог Фокуснику подняться и что-то виновато ему забормotal. Конечно, он смог бы голыми руками убить стражника, но честно потом сказал, что испугался. Меньше всего за себя, хотя его тут же увели бы в тюрьму и казнили, а за жену Розали, за сынишку, да и весь цирк сразу выгнали бы из города. Но главное – Розали. Он ведь жизни без нее не мыслил и не решился пожертвовать собой даже ради беззащитной Мари.

А красномордый уж вовсе взбеленился, хрипит, дышит ей в лицо перегаром. Больно дернул на себя и потащил вон из круга. Мариэлла его зубами за руку – хватить! – так он другой лапищей ударил ее по лицу. Фокусник кинулся прям на землю и обхватил стражника за ноги, вцепился в сапоги, не да-

вая ему идти. Красномордый бешено заругался, забрыкался и затопал, скидывая помеху. Но свою добычу не выпустил. Розали зло отмахнулась от мужа и тоже поспешила на выручку Мари, повисла на руке у стражника, умоляя оставить девочку, но все напрасно. А толпа вокруг угрожающе надвигалась... Тогда гогочущий заорал на всю площадь: "Вы что – бунтовать вздумали? Всех поубиваю!"

Вдруг сбоку к красномордому метнулся Габриэль – да, хромой, а зверем метнулся! – и с размаху ткнул его в горло маленьким ножиком. Был у него такой, почти игрушечный, каким мальчишки выстругивают палочки, но острый, как лучшая бритва. Он всегда держал ножик при себе, чтобы очинять карандаши и разрезать бумагу, а носил в кожаном чехольчике на шнурке. Вот им со всей силы и ударил. Красномордый всхрипнул, из шеи кровь хлынула, и он грузно повалился навзничь. Хорошо, что кулак разжался, и Мари выскользнула.

Но раньше, чем он успел рухнуть, в грудь и спину Габриэля вонзились сразу два клинка! И он, сердешный, без единого стопа тихо упал замертво... Мари от ужаса вскрикнула и прижалась к Розали, обе безутешно заплакали. Стражники переглянулись меж собой, потом зловеще обступили Фокусника: "Ты пойдешь с нами!". А он упал на колени рядом с мертвым Габриэлем, уронил голову ему на грудь и весь от рыданий затрясся. Стражники уставились на него и медлили... Он поднял к ним измученные глаза: "Вы друга своего

потеряли, а я – сына любимого. Возьмите все деньги, только помилосердствуйте! Дочку мою сиротой не оставьте... за что ей?" – а сам протянул им кошелек и опять припал лицом к убитому. Стражники меж собой переглянулись, деньги в руке на вес прикинули и забрали. Гогочущий напоследок рывкнул: "Чтоб духу вашего в городе не было, не то костей не соберете!" И красномордого своего уволокли. Люди молча расходились, опустив головы, стыдились своего бессилия. Циркачи сбились жалкой кучкой. А тело Габриэля плачущий Жанно перенес в повозку, до отпевания.

В городской собор, что стоял на площади, Фокусник, понятное дело, не сунулся, а поспрашивал по окраинным улицам, по маленьким церковкам. Последними грошами надеялся поклониться священнику, чтобы упокоить Габриэля похристиански. Но никто не согласился отпевать чужака, да еще убийцу – слух про это быстро по городу разлетелся. Даже слушать не хотели, чуть ли не вон гнали. Так и схоронили его в неосвященной земле, вдалеке от города у подножия зеленой горы. Вытесали простой деревянный крест, на котором черной краской тонко вывели "Здесь лежит Хромой Габриэль, двадцати лет от роду, который храбро погиб, спасая свою возлюбленную." Сами отходную молитву над ним прочитали. В общем, простились, как умели – оплакали от чистого сердца, с вечной к нему благодарностью.

И уж сколько лет прошло, а могилка до сих пор цела. И крест с надписью по-прежнему стоит, никто его не тронул. Откуда я

знаю? Странные люди, везде побывавшие, про то сказывали, а они видели своими глазами. Может, и не все доподлинно так было, но раз могилка есть – то и любовь его была. Которая больше жизни и смерти не страшится. Значит, нет никакого обману. А тебя, Лизавета, ничем не проймешь, бесчувственная какая-то уродилась. Вон Матреша, гляди, в три ручья плачет об нем, о Габриэле, жалеючи. Так-то... Ну, девоньки, покуда прощайте! У Авдотьи в кухне, поди, уж и самоварчик поспел. Благодаренье Богу, привечает еще барыня старую кормилицу, дозволяет мне зайти чайком угоститься.